

Научная статья
УДК 327.5:93/94

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-50-64>

«ПОД НАЧАЛЬСТВОМ ДАРОВИТОГО ВОЖДЯ – ЭТО ГРОЗНЫЙ ВРАГ...». ФРАНЦУЗСКАЯ АРМИЯ В ВОСПРИЯТИИ РОССИЙСКОГО ОФИЦЕРСТВА В 1870 – 1880-Х ГОДАХ

**Александр Борисович
Арбеков** ^{1, 2}

¹ Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого

² Тульский государственный музей оружия
Тула, Россия, arbekoff-alex@ya.ru
<https://orcid.org/0009-0006-4855-5533>

Аннотация. Настоящая статья посвящена формированию и трансформации воззрений на французскую армию в среде российских офицеров в 1870 – 1880-х гг. Обращение к этой проблематике способствует уточнению особенностей развития военного дела в России в рассматриваемый период и позволяет выявить отдельные предпосылки к складыванию русско-французского союза в первой половине 1890-х гг.

Источниковой базой настоящего исследования послужили отчеты высокопоставленных российских офицеров, командированных для наблюдений за ежегодными маневрами французских войск в 1870 – 1880-х гг., а также рапорты российских военных агентов во Франции. Наряду с этим в работе привлекались публикации российских офицеров в средствах официальной военной печати, а именно в газете «Русский инвалид» и журнале «Военный сборник», транслировавших информацию о зарубежных армиях, в том числе о французской, и способствовавших формированию в «военном сословии» России конкретных представлений о вооруженных силах европейских государств. Также при изучении поставленной проблемы применялись источники личного происхождения – мемуары и дневники современников.

На основе проведенного исследования формулируется вывод, что в связи с динамично менявшейся обстановкой в Европе в 1870 – 1880-х гг. и постепенным реформированием французской армии отношение к ней в российской офицерской среде претерпевало изменения. Первоначальный скепсис относительно союзоспособности Франции после событий Франко-германской войны 1870 – 1871 гг. сменились представлениями об армии Третьей республики как о грозной военной силе, которая могла оказать поддержку России в борьбе с коалицией Германии и Австро-Венгрии.

Ключевые слова: российская армия, французская армия, военные маневры, Австро-Венгрия, Германия, военная разведка, военно-стратегическое планирование, Главный штаб.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Российская армия XVIII – начала XX в. как социокультурный феномен» (№ 23-28-00325), <https://rscf.ru/project/23-28-00325/>

Для цитирования: Арбеков А. Б. «Под начальством даровитого вождя – это грозный враг...». Французская армия в восприятии российского офицерства в 1870 – 1880-х годах // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 3 (19). С. 50–64. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-50-64>

Сведения об авторе: А. Б. Арбеков – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125; научный сотрудник, Тульский государственный музей оружия, 300002, Россия, Тульская область, г. Тула, ул. Октябрьская, 2.

© Арбеков А. Б., 2024

Scientific Article
UDC 327.5: 93/94
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-50-64>

**"UNDER THE COMMAND OF A TALENTED LEADER
IS A FEARSOME ENEMY...".
THE FRENCH ARMY IN THE PERCEPTION OF RUSSIAN OFFICERS
IN THE 1870 – 1880S**

Alexander B. Arbekov^{1,2}

¹Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

²Tula State Arms Museum

Tula, Russia, arbekoff-alex@ya.ru

<https://orcid.org/0009-0006-4855-5533>

Abstract. The article is devoted to the formation and transformation of Russian officers' views on the French army in the 1870s – 1880s. Addressing this issue helps to clarify the peculiarities of the Russian military affairs development in the period under consideration and allows identifying certain prerequisites for the formation of the Russian-French alliance in the first half of the 1890s.

The source base of the present study was the reports of Russian military agents in France, as well as reports of high-ranking Russian officers sent to observe the annual maneuvers of French troops in the 1870s – 1880s. In addition, the work involved publications of Russian officers in the military press, namely, in the 'Russky Invalid' newspaper and the 'Voenny Sbornik' magazine, which broadcast information about foreign armies, including the French, and contributed to the formation of specific ideas in military class about the armed forces of European states. The author also uses sources of personal origin – contemporaries' memoirs and diaries.

On the basis of the conducted research the author concludes that due to the dynamically changing situation in Europe in the 1870 – 1880s and the gradual reforming of the French army, the attitude towards it in the Russian officers' environment underwent changes. In place of the initial skepticism about France's alliance after the events of the Franco-German War of 1870 – 1871, perceptions of the army of the Third Republic emerged as a formidable military force that could support Russia against the coalition of Germany and Austria-Hungary.

Keywords: Russian army, French army, military maneuvers, Austria-Hungary, Germany, military intelligence, military strategic planning, General Staff.

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00325, <https://rscf.ru/project/23-28-00325/>

For citation: Arbekov, AB 2024, "'Under the Command of a Talented Leader is a Fearsome Enemy...". The French Army in the Perception of Russian Officers in the 1870 – 1880s', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (19), pp. 50–64, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-50-64> (in Russ.)

Information about the Author: *Alexander B. Arbekov* – Candidate of Sciences (History), Senior Lecturer of the Department of History and Archaeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia; Researcher, Tula State Arms Museum, 2, Oktyabrskaya Str., Tula, 300002, Russia.

Введение

В конце 1870-х – начале 1880-х гг. для России сложилась международная ситуация, грозившая ей внешнеполитической изоляцией. Отношения с Великобританией достигли высокой степени напряженности из-за обострения Восточного кризиса 1875 – 1878 гг. и очередного раунда Большой игры в Центральной Азии. Австро-Венгрия также грозила России войной в связи с новой политической конфигурацией на Балканах, которая вырисовывалась после заключения прелиминарного Сан-Стефанского договора по итогам Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. В то же время в Петербурге полагали, что главным инспиратором «унижения» России на Берлинском конгрессе 1878 г. являлась Германия, стремившаяся играть на противоречиях великих держав в своих интересах. Все эти факторы создавали в среде российского офицерства представления о серьезной опасности, грозившей империи Романовых на западе и востоке ее обширных владений.

В связи с подобным «грозовым» внешнеполитическим климатом в Евразии вполне естественным стало тяготение российских офицеров к поиску надежного союзника. С учетом сложившегося «пасьянса» в этом качестве рассматривалась, естественно, французская армия, хотя история российско-французских отношений в течение всего XIX в. была наполнена масштабными военными коллизиями, такими, как Наполеоновские войны и Крымская кампания. Кроме того, сказывался и негативный политический «шлейф», а именно поддержка Франции Польских восстаний в России 1830 – 1831 и 1863 – 1864 гг., и неприятие французского революционного наследия, выражавшегося в радикализме и парламентаризме, чуждых российскому самодержавию.

Тем не менее крах империи Наполеона III во Франко-германской войне 1870 – 1871 гг. привел к «перезагрузке» российско-французских отношений. В Петербурге новообразовавшуюся Третью республику не рассматривали в качестве «возможного противника» [8, с. 37]. В свою очередь прошлые «военные обиды» также стали сглаживаться и восприниматься российскими офицерами как поражение в «военном состязании», но не в «смертельной схватке». Так, крупный военный теоретик, генерал М. И. Драгомиров писал в 1889 г., что «в войне мы с ними [французами – А. А.] бьвали, но во вражде никогда. Это известно делавшим Севастопольскую кампанию, было известно также и участникам Наполеоновских войн» [17, л. 40].

Стоит отметить, что изучение российско-французских контактов в 1870 – 80-х гг., в том числе в военно-политическом и военно-дипломатическом измерении, уже становилось ранее объектом фундаментальных научных изысканий [1; 6; 8; 37]. Однако недостаточно освещенным остается вопрос о воззрениях на французскую армию в среде российского офицерства в исследуемый период, динамика этих представлений и их влияние на складывание русско-французского альянса в первой половине 1890-х гг. По этой причине представляется необходимым частично заполнить образовавшуюся лауну.

Результаты

После поражения в войне 1870 – 1871 гг. правительство Третьей республики во Франции направляло значительные усилия на структурную реорганизацию своей армии, которой, по справедливому выражению подполковника А. А. Боголюбова, предстояло «подобно фениксу, возникать из пепла» [3]. Несмотря на масштаб преобразований, осуществленных за короткий период времени, основные реорганизационные меры – введение всеобщей воинской повинности и новая организация сухопутных вооруженных сил – носили паллиативный характер между потребностью содержания крупной, хорошо обученной национальной армии и необходимостью строгой экономии на военных нуждах. Однако в случае с Третьей республикой явно наблюдался крен во вторую сторону.

27 июля 1872 г. вместо прежней системы конскрипции, которая предоставляла возможность призывнику за определенную сумму откупиться от армии и выставить вместо себя «наемщика», была введена всеобщая воинская повинность, затрагивавшая всех мужчин в возрасте от 20 лет. По закону первые 5 лет отводились на службу в действующих войсках и 4 года – в резерве, после чего военнообязанный поступал на 5 лет в состав территориальной армии и еще на 6 лет – в ее резерв. В свою очередь для экономии финансовых средств мужчины при поступлении в армию посредством жребия делились на два разряда. Военнообязанные 1-й категории находились на действующей службе все 5 лет, в то время как призывники 2-й категории служили всего один год и на 4 года переводились в запас. Кроме того, военный министр Третьей республики имел право переводить в запас солдат из 2-й категории сразу после окончания ими 6-месячной службы [13, с. 1–5].

24 июля 1873 г. Национальным собранием была принята новая система организации сухопутных вооруженных сил Франции. Она подразумевала разделение территории страны на 18 корпусных районов, совпадавших с местом дислокации 18 армейских корпусов, вместо прежних маршалатов, послуживших ранее основой для образования в России военно-окружной системы [36, с. 339]. Впоследствии был добавлен 19-й корпус, сформировавшийся из войск, расположенных в Алжире. По новому закону принцип комплектования французской армии приобретал смешанный характер – в действующие войска поступали мужчины из всех регионов Франции, в то время как резерв формировался из солдат, проживавших в районе расположения конкретных резервных частей [29, л. 120; 13, с. 335]. Также 24 июля 1873 г. вступил в силу закон, по которому «боевое образование всех родов оружия» ежегодно должно было сопровождаться «общими маршами, маневрами и вообще различными операциями военного времени» [10].

С октября 1874 г. началось перевооружение французской армии казнозарядной винтовкой системы Гра с продольно-скользящим затвором и патронами калибром 11 мм. Существенной особенностью нового образца являлась возможность удешевления его производства за счет массовой переделки имевшихся запасов устаревших винтовок системы Шаспо M1866 [30, л. 10–11].

В связи с компромиссным характером военных преобразований российские военные наблюдатели справедливо полагали, что французская армия только на пути к «возрождению из пепла» и в ближайшем будущем вряд ли могла стать существенным фактором европейской политики. Капитан Л. А. Фредерикс, прикомандированный к российскому посольству в Париже, но фактически выполнявший обязанности военного агента, в рапорте от 14 (26) апреля 1873 г. сделал вывод, «что впереди предстоит еще много трудов и коренных реформ, для того чтобы сравнять французскую армию с армиями других государств...» [29, л. 116].

Выводы российского офицера подтверждали результаты маневров 6-го армейского корпуса, проведенные в сентябре 1873 г. в окрестностях Лиона. По наблюдениям капитана Л. А. Фредерикса, для солдат 6-го корпуса, как и во время войны 1870 – 1871 гг., было характерно «отсутствие спокойствия <...> в бою вследствие постоянных передвижений и замен частей в боевых линиях», а также проявлялась инертность в действиях, в результате чего «преследование [отступающего противника] производилось весьма редко» [29, л. 163]. Повторные смотры 6-го армейского корпуса, состоявшиеся ровно через год, также не произвели серьезного впечатления на капитана Л. А. Фредерикса, несмотря на то что французские войска «представились в более удовлетворительном виде <...> как относительно наружной выправки чинов, так и в отношении строевого образования и материального благоустройства частей» [31, л. 31]. Во многом дальнейшее развитие французской армии, по мнению российских офицеров, тормозилось устаревшими порядками и доктринами эпохи Второй

империи, проявившие свою несостоятельность во Франко-германской войне. Как указывалось в газете «Русский инвалид», до 1874 г. на маневрах французские войска «действовали, руководствуясь уставом 1869 г.», хотя «приемы обучения, господствовавшие до войны 1870 – 1871 годов, перестали считаться удовлетворительными» [10].

Общее резюме российский военный представитель во Франции Л. А. Фредерикс подвел в апреле 1875 г. в самый разгар «военной тревоги». В связи с намерением Национального собрания реорганизовать трехбатальонные полки в четырехбатальонные германская пресса стала активно педалировать сведения о готовящемся реванше Франции за события 1870 – 1871 гг. Также в газетах распространялся слух об активной скупке французами конского состава в Германии. В этой связи в политических и военных кругах Второго рейха возникла идея нанесения превентивного удара по неокрепшей еще Третьей республике. Полковник Л. А. Фредерикс считал обвинения германской стороны совершенно несостоятельными, поскольку было «достаточно даже самого поверхностного знакомства с настоящим положением вещей во Франции, чтобы убедиться, что в данную минуту [ее] армия ни в материальном, ни в нравственном отношении не подготовлена для предприятия каких-либо агрессивных военных действий» [31, л. 105].

Существенным фактором, препятствовавшим возможному российско-французскому сближению в этот период, помимо очевидной военной слабости Франции после войны 1870 – 1871 гг., являлась внутренняя политическая неустойчивость Третьей республики, особенно в первые годы ее существования. Эта неустойчивость, по мнению российских офицеров, самым негативным образом сказывалась на общем состоянии французской армии. Так, принятие нового законопроекта об организации французских войск на всем протяжении его разработки сопровождалось острыми дебатами в Национальном собрании. Капитан Л. А. Фредерикс в рапорте от 18 (30) марта 1873 г. констатировал, что прения, развернувшиеся вокруг законопроекта, выступали наглядным свидетельством «глубокого разлада, который существует между мнениями представителей армии и общества» [29, л. 34]. На страницах «Русского инвалида» прямо заявлялось, что «политический разлад мешает предаться делу переустройства армии с той не отрывающейся от работы настойчивостью, которая желательна и необходима» [10]. Военный агент в Париже Л. А. Фредерикс также указывал, что с 1873 по 1887 гг. сменилось 17 военных министров [22, л. 225], в связи с чем политика по переустройству сухопутных вооруженных сил Франции не отличалась преемственностью и последовательностью.

Наряду с этим играла важную роль идея монархической солидарности, выразившаяся в формировании «Союза трех императоров» и в ориентации Петербурга на тесное сотрудничество с Берлином в течение 70-х гг. XIX в. Однако здесь необходимо отметить, что российская внешняя политика в эпоху канцлерства А. М. Горчакова руководствовалась принципом «Европейского концерта», подразумевавшего поддержание «баланса сил» среди великих держав и разрешение международных противоречий коллегиальным способом посредством различных конференций. В этой связи Франция рассматривалась на Певческом мосту как неотъемлемая часть и краеугольный камень европейского равновесия, нарушение которого грозило усилением Германии и ослаблением позиций России на международной арене. В этой связи Россия стремились не допустить окончательного разгрома Германией Франции и выступила в ее поддержку совместно с Великобританией во время «военной тревоги» 1875 г. [6, с. 85–86]. Также значительная часть российского офицерства во главе с военным министром Д. А. Милютиным и его ближайшим окружением отличалась профранцузскими и антигерманскими взглядами. Они небезосновательно полагали,

что образование единой Германской империи являлось серьезной угрозой России [8, с. 30].

Весной 1878 г. Россия стояла перед перспективой масштабной коалиционной войны против Великобритании, Турции и Австро-Венгрии при молчаливом согласии Германии. На последовавшем Берлинском конгрессе, созванном для обсуждения итогов Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг., империя Романовых оказалась практически в полной внешнеполитической изоляции [2]. Как указывал руководитель российской военной разведки генерал-адъютант Н. Н. Обручев, «мы фактически могли убедиться, что для Германии и Австрии столь же желательно ослабление наше в Европе, как для Англии ослабление наше в Азии» [18, л. 46–46 об.]. Поэтому сразу после событий Восточного кризиса 1875 – 1878 гг. российские власти стали обращать более пристальное внимание на состояние французской армии.

Уже в 1879 г. на осенние армейские учения во Францию была направлена военная делегация во главе с генералом Н. Н. Обручевым, начальником российской военной разведки. Характерно, что в связи с этой поездкой в Берлине и Вене стали циркулировать слухи о возможном заключении русско-французского союза [1, с. 268–271].

Также об особом внимании со стороны военного министерства России к армии Третьей республики свидетельствует высокий статус офицеров, направляемых во Францию на ежегодные маневры в последующие годы. В 1883 г. был направлен генерал-адъютант М. И. Драгомиров, начальник Николаевской академии Генерального штаба (НАГШ), крупный военный теоретик и один из сторонников более тесного сближения с Францией [37, с. 260], а также полковник Н. Н. Сухотин, адъюнкт-профессор НАГШ, делопроизводитель Военно-ученого комитета Главного штаба (ВУК ГШ), занимавшийся сбором и систематизацией сведений о германских вооруженных силах [4]. В следующем 1884 г. на французских военных маневрах присутствовал генерал-майор А. Н. Куропаткин, состоявший при начальнике Главного штаба Н. Н. Обручеве для разработки мобилизационных расписаний на случай войны на западной границе империи. В 1886 г. во Францию был делегирован генерал-майор Ф. А. Фельдман, преемник Н. Н. Обручева на посту главы российской военной разведки.

Стоит отметить, что в период с 1879 по 1886 г. происходит существенная трансформация воззрений российского офицерства на боеспособность французской армии. Для этого в свою очередь складывалась благоприятная внешнеполитическая конъюнктура. В 1881 г. в связи с трагической смертью императора Александра II на престол взошел его сын Александр III, прославивший среди современников, по выражению Д. А. Милютина, «немцефобом» [9, с. 129]. Еще будучи цесаревичем, великий князь Александр Александрович проявлял значительный интерес к Франции и ее армии. Так, по распоряжению военного министра Д. А. Милютина 11 (23) января 1876 г. цесаревичу «для прочтения» был переправлен отчет полковника Л. А. Фредерикса о механизме мобилизации французской армии [31, л. 300]. Также на докладах, посвященных наблюдениям российских офицеров за французскими военными маневрами в 1880-х гг., часто можно наблюдать надпись: «Его Величество изволил читать» [24, л. 103; 34, л. 1; 35, л. 1]. Поскольку первым в ряду российских офицеров, безусловно, стоял сам император, которого с ранних лет готовили к военной стезе, то мнение самодержца не могло не оказывать влияния на воззрения в среде российского офицерства.

К сближению обеих стран подталкивала и международная ситуация, сложившаяся в первой половине 1880-х гг. В связи с французской оккупацией Туниса в 1881 г. Италия спустя год присоединилась к Двойственному союзу Германии и Австро-Венгрии. В том же 1882 г. Великобритания захватила Египет и получила практи-

чески единоличный контроль над Суэцким каналом, построенным в 1869 г. по инициативе французских властей. В результате тонкой дипломатической игры О. фон Бисмарка Франция оказалась практически полностью изолированной на международной арене. Однако на этом «грозовом» фоне стали осуществляться и более тесные контакты разведывательных структур Франции и России. Так, значительную помощь Главному штабу в получении актуальных данных о вооруженных силах Германии и Австро-Венгрии оказывало военное министерство Франции. Только в течение первой половины 1880-х гг. 2-м разведывательным бюро французского Генерального штаба были предоставлены в распоряжение ВУК ГШ планы сосредоточения австро-венгерских армий на случай войны с Россией, проект изменения дислокации германских войск на русско-германской границе и описание фортов и вооружения крепости Кёнигсберг в Восточной Пруссии [20, л. 95–95 об.; 27, л. 241–248; 33, л. 122]. Кроме того, французские военные атташе в Берлине и Вене в конце 1880-х гг. неоднократно консультировали российских военных агентов, аккредитованных в германской и австрийской столицах, и передавали им различную секретную информацию [26, л. 62–62 об.; 28, л. 16]. Этот фактор, несомненно, оказывал в среде российского офицерства благоприятное влияние на восприятие французской армии в качестве потенциального союзника. К сожалению, обращение только к документам из российских архивов не позволяют однозначно сказать, носил ли трансфер разведанных двусторонний характер. Тем не менее можно констатировать, что подобным образом Париж зондировал почву на предмет возможного военного сотрудничества с Петербургом, поскольку ничто так не сближает, как наличие общих врагов.

Важно указать, что первоначальные выводы генерала Н. Н. Обручева по итогам его поездки во Францию осенью 1879 г. не внушали оптимизма. Актуальное состояние французской армии было далеким от идеала, принятого в среде российского военного сословия в то время. Образцовой армией в глазах большинства российских офицеров к 1879 г. представляла германская, обладавшая, по мнению современников, высокой дисциплиной и инициативой, умевшая грамотно сочетать атаку с обороной, и делавшая упор на эффективное применение стрелкового оружия преимущественно в рассыпном строю. В рапорте российского военного агента А. А. Даллера, составленном по итогам осенних маневров в Германии в 1879 г., обращалось особое внимание «на превосходную подготовку войск как в строевом отношении, так и относительно полевых занятий. Всех поражали порядок, тишина и твердое знание всеми чинами своего дела» [19, л. 192–192 об.]. В данных аспектах французские войска в представлении российских офицеров значительно отставали от германских.

В маневрах осенью 1879 г. участвовало 2/5 всей французской армии – 2-й, 3-й, 10-й, 11-й, 12-й, 13-й и 18-й корпуса, а также 7 из 18 кавалерийских бригад [15, л. 114]. Собственно российские офицеры имели возможность наблюдать за действиями только 12-го и частично 2-го корпусов.

В целом глава российской военной делегации генерал Н. Н. Обручев в положительном ключе оценивал уровень подготовки высшего командного и офицерского состава, артиллерии и кавалерийского рода французских войск. Представляется, что в определенной степени маневры 1879 г. повлияли на позицию Н. Н. Обручева, выступившего одним из инициаторов реформы российской кавалерии в 1882 г., в результате которой уланские и гусарские полки, за исключением гвардии, преобразовывались в драгунские [1, с. 294–295]. На основе наблюдений за французской кавалерией, значительная часть которой состояла из конной пехоты, он сделал вывод о том, что «потребность в быстром движении и употреблении ружья вместо сабли все более часта» [15, л. 121–121 об.].

Также начальник российской военной разведки отмечал высокий уровень материального обеспечения французской армии, но при этом считал, что «о духе войск напротив трудно дать положительный отчет» [15, л. 127]. Наряду с этим, по мнению Н. Н. Обручева, «пехотные маневры представили сравнительно меньше поучительного и нового, их интерес главным образом сосредотачивался на качествах солдат и офицеров и на умении их приноровиться к новым требованиям боя» [15, л. 115 об.]. В последнем случае, очевидно, что генерал Н. Н. Обручев имел в виду опыт минувшей Русско-турецкой войны, которая продемонстрировала необходимость изменения сложившихся форм пехотной тактики с целью увеличения роли в бою рассыпного строя и ведения огня с дальних дистанций [37, с. 190]. Однако французские войска совершенно не соответствовали этим требованиям, поскольку, со слов Н. Н. Обручева, «за исключением стрелковых батальонов, пальба плохо регулируется <...>, в линейной же пехоте огонь зачастую ведется совершенно без толку» [15, л. 116 об.]. По его наблюдениям, за четверть часа французские пехотинцы израсходовали весь боезапас, состоявший из 80 патронов на каждого солдата, и в целом совершали по ходу маневров «грубые ошибки» [15, л. 117]. Также, согласно заметкам полковника К. К. Случевского, командированного во Францию в составе миссии генерала Н. Н. Обручева, французская пехота нередко осуществляла наступление в сомкнутом строю «под сильным ружейным и артиллерийским огнем неприятеля», практически игнорируя рассыпной строй и использование местности для укрытия [11, с. 88], «в действиях пехоты и артиллерии замечалось слишком мало связи», причем «артиллерия сильно разбрасывалась и рассеивала свой огонь вместо сосредоточения его на важных пунктах» [11, с. 98].

Кроме недостатков в подготовке и обучении армии Третьей республики генерал Н. Н. Обручев видел и другие препятствия на пути к союзу с Францией. В первую очередь вызывала сомнения ее политическая нестабильность, а также риторика действующего правительства, стремившегося уладить противоречия с Германией и поддерживать дружеские контакты с Великобританией, с которыми у России после Восточного кризиса были чрезвычайно напряженные отношения [1, с. 269]. Все эти факторы, по мнению Н. Н. Обручева, однозначно говорили не в пользу русско-французского альянса.

Важно указать, что далеко не все представители российского офицерства разделяли скепсис «Русского Мольтке». Одним из сторонников русско-французского сближения являлся «Белый генерал» М. Д. Скобелев, который в феврале 1882 г. выступил перед сербскими студентами в Париже, обличая германскую внешнюю политику и указывая на неизбежность столкновения «славян с тевтонами». В беседе с французским журналистом Полем Френо генерал-адъютант М. Д. Скобелев также заявил о необходимости русско-французского союза для совместной борьбы с Германией. Выступления «Белого генерала» попали на страницы периодической печати и стали причиной серьезного дипломатического скандала. Правительства России и Франции были вынуждены «откреститься» от слов М. Д. Скобелева, чтобы избежать обострения отношений со Вторым рейхом [8, с. 172–173].

Схожий «информационный» фон сопровождал визит генерал-адъютанта М. И. Драгомирова во Францию в сентябре 1883 г. на маневры 7-го и 8-го армейских корпусов. Как и М. Д. Скобелев, М. И. Драгомиров отличался неприязнью к Германии и выражал свои симпатии Франции. В своем отчете по итогам маневров он указал, что французская армия, несмотря на ее республиканское нутро, не уступала по уровню подготовки и своей организации армиям других европейских держав [37, с. 260–261]. При этом командировка генерала М. И. Драгомирова также не обошлась без публичного скандала. Французская пресса подробно освещала его визит и делала акцент на профранцузских воззрениях генерала. В частности газета «Франс»

(France) приписала цитату М. И. Драгомирову о том, что он «хотел видеть французскую армию рядом с русской» [32, л. 21]. По свидетельствам российского военного агента Л. А. Фредерикса, «обстоятельство это наделало много шума не только в здешней, но и в заграничной печати и возбудило в Германии известного рода неудовольство» [32, л. 19]. Представители российского посольства в Париже вскоре были вынуждены опубликовать опровержения в крупных изданиях, таких как «Темпс» (Temps) и «Фигаро» (Figaro), отрицая произношение генералом М. И. Драгомировым данных слов [32, л. 21].

Однако точка зрения противников союза с Францией сохранялась среди значительной части российского офицерства и в последующие годы. Полковник Главного штаба Н. Н. Сухотин в отчете от 25 октября (5 ноября) 1883 г., в противовес мнению генерала М. И. Драгомирова, по итогам учений 7-го и 8-го армейских корпусов указывал: «Все виденное на маневрах обоих корпусов и слышанное в пределах Франции показывает, что ее армия и ее военные средства еще далеко не представляются надежными и достаточными» [34, л. 5]. В этой связи он рекомендовал избегать в ближайшее время российско-французского сближения, несмотря «на задушевное желание, существующее во Франции относительно союза с Россией для борьбы с немцами». По его мнению, Париж к союзу подталкивали не взаимные внешнеполитические интересы с Петербургом, а «только исход панического страха перед немцем» [34, л. 5]. В то же время полковник Н. Н. Сухотин указывал на эгоистические расчеты Третьей республики, для которой Россия, с его слов, была лишь средством для достижения своих собственных целей [34, л. 5 об.]. Характерно, что опасения, связанные с представлениями о корыстных замыслах Франции, были в целом свойственны российским офицерам на протяжении всех 1880-х гг. В разгар очередной «военной тревоги» французский военный атташе в Петербурге полковник Серме в отчете от 8 февраля 1887 г. упоминал о визите к нему «очень видного генерала из русского Генерального штаба», который «был главным образом озабочен вопросом о том, будем ли мы, получив преимущества на ранних этапах кампании, продолжать войну [с Германией], а не довольствоваться некоторыми быстро достигнутыми успехами» [38, р. 50–51].

В 1884 г. французские военные маневры посетил генерал-майор А. Н. Куропаткин, оставивший свои впечатления о них в дневниковых записях, воспроизведенных им в мемуарах, а также в отчете, с которым лично ознакомился император Александр III [35, л. 1]. В целом заключения А. Н. Куропаткина носили преимущественно позитивный характер, так как в подготовке французской армии им наблюдался «большой прогресс», и, по его заключению, «с такими войсками [уже] можно уверенно идти в бой» [7, с. 462]. Но в то же время он отмечал все те же недостатки, что и его предшественники. В частности, в ходе маневров французскими войсками «применению к местности значения не придавалось» [7, с. 459], а из офицеров «никто не обдумывал лучшего направления атаки. <...> Войска и их начальники относились к маневру пассивно. Выбежавший заяц гораздо более привлекал их внимание, чем то, что происходило впереди у противника <...>» [7, с. 463]. Кроме того, А. Н. Куропаткин во время маневров наблюдал «малое и неумело пользование кавалерией в бою» [35, л. 32], и в целом пришел к выводу, что французская армия «слаба по составу бригадных и дивизионных командиров, мало способных после пройденной ими школы стать на высоту современных требований от генерала, командующего войсками» [35, л. 32–32 об.].

Существенные изменения во взглядах российских офицеров на французскую армию в лучшую сторону пришлось на 1886 г. С этим связано несколько взаимодополняющих обстоятельств. Помимо повышения уровня боеспособности французских войск, вследствие регулярных учений и многолетнего реформирования воору-

женных сил, во главе Военного министерства Третьей республики был назначен генерал Жорж Буланже, выступавший с яркой реваншистской риторикой по отношению к Германии. Как писали на страницах российских газет, многие современники прочили Буланже «в новые Наполеоны, мечтающие, прежде всего, о возмездии Германии за Эльзас-Лотарингию» [12]. В это же время российско-британские отношения достигли пика напряженности вследствие Пендинского кризиса 1885 г., приведшего к очередной «военной тревоге». Россия и Великобритания фактически стояли в шаге от войны друг с другом. Осенью того же года разразился Болгарский кризис, ставший причиной окончательного распада «Союза трех императоров» и резкого обострения отношений России с Германией и Австро-Венгрией. В этой связи, как полагали российские офицеры, возникала потребность в российско-французском сближении, чтобы избежать полной военно-политической изоляции в случае большой войны в Европе. Ознакомившись с кратким изложением мер, разработанных в Главном штабе под руководством Н. Н. Обручева, на случай войны с Германией и Австро-Венгрией, бывший военный министр Д. А. Милютин 16 (28) июля 1886 г. записал в дневнике: «При настоящей политической обстановке нельзя предположить войну между Россией и одной только из этих держав; несомненно, мы будем иметь дело с коалицией, а на такой случай едва ли наши силы окажутся достаточными, чтобы вести с успехом войну без союзников» [9, с. 186].

Осенью 1886 г. во главе российской военной миссии, направленной во Францию, был назначен руководитель военной разведки генерал-майор Ф. А. Фельдман. На фоне ухудшения международной ситуации из-за Болгарского кризиса 1885 – 1886 гг. данная командировка приобретала ярко выраженный политический подтекст. К этому моменту Ф. А. Фельдман приобрел публичную репутацию ярого «недруга» Германии. В 1883 – 1884 гг. генерал стал фигурантом громкого судебного процесса о шпионаже польского эмигранта Ю. Крашевского и германского офицера Р. Гентша в пользу Франции и России. В данном случае генерал Ф. А. Фельдман, будучи военным агентом в Вене в 1876 – 1881 гг., приобретал у Р. Гентша через посредничество журналиста А. Адлера секретные сведения о германских вооруженных силах. Их общая переписка стала доказательной базой обвинения [5]. По ходу судебного процесса на страницах немецкой периодики появлялись следующие изобличающие заметки: «Русский генерал Фельдман в Вене покупал секреты с помощью жалких предателей, этого подлеца Гентша, этого поляка Крашевского <...> о развертывании германской армии <...>, чтобы русские и французы вместе напали на Германию» [39].

Кроме того, назначение генерала Ф. А. Фельдмана во главе российской миссии наглядно свидетельствовало о намерении императора Александра III обратить более пристальное внимание на французскую армию, если не как на потенциального союзника в случае большой войны в Европе, то, по крайней мере, как на фактор, прочно приковывающий взгляд Берлина к своим западным границам. Довольно характерно, что, как и семью годами ранее, поездку российских офицеров вновь сопровождали слухи о русско-французских переговорах по заключению военного союза, хотя эти контакты немецкими дипломатами приписывались генералу Н. Н. Обручеву, а не Ф. А. Фельдману [8, с. 209].

Что касается самих военных маневров, то, к сожалению, на сегодняшний день отчет генерала Ф. А. Фельдмана об их проведении нам обнаружить в архивах не удалось, тем не менее в некоторых документах имеются его собственные упоминания о том, что таковой рапорт им был подготовлен и передан для ознакомления начальнику Главного штаба Н. Н. Обручеву [21, л. 221]. Однако свои наблюдения о военных маневрах 1886 г. оставил профессор НАГШ полковник А. К. Пузыревский, состоявший в военной миссии генерала Ф. А. Фельдмана. По опыту поездки российских

офицеров во Францию в 1879 г. и обращению к их отчетам по итогам армейских учений следует предположить, что оценки генерала Ф. А. Фельдмана и А. К. Пузыревского были тождественны и различались лишь в малозначительных деталях. Заметки последнего, опубликованные в «Военном сборнике», в целом содержали довольно критические комментарии о тактической выучке французских войск, недостатках системы высшего военного управления ими и практике подготовки штабного персонала армии Третьей республики [14, с. 313–325]. Тем не менее резюме полковника А. К. Пузыревского отражало оптимистичную семантику: «В общем, однако, французская армия, по своей необыкновенной многочисленности, дисциплине, прекрасному составу нижних чинов, хорошему элементарному обучению людей, обильному снабжению превосходной материальной частью, представляется весьма внушительной силой. <...> Под начальством даровитого вождя – это грозный враг, что, по-видимому, уже сознают соседи, не рассчитывающие вовсе на такие же легкие успехи, как в минувшую [Франко-германскую] войну» [14, с. 326].

Довольно примечательно, что практически аналогичные комплементарные выводы содержатся в рапорте российского военного агента в Париже генерала Л. А. Фредерикса, составленном по итогам армейских учений осенью 1889 г. [24, л. 81, 104]. По распоряжению военного министра П. С. Ванновского в ВУК ГШ было подготовлено краткое извлечение из доклада генерала Л. А. Фредерикса, которое было передано императору Александру III для прочтения [24, л. 103].

Высокого мнения о французской армии по-прежнему придерживался и генерал М. И. Драгомиров. В ходе поездки во Францию весной 1889 г. он имел продолжительные беседы с представителями высшего французского генералитета и занимался изучением общественных настроений в стране. В отчете по итогам своего визита он фиксировал существенный прогресс в уровне подготовки командного состава французской армии и указывал, что французские генералы полностью «отдаются приготовлению к будущей своей роли. Будущие главнокомандующие знают свои войска и эти последние их знают» [17, л. 31 об.]. При этом генерал М. И. Драгомиров не считал политический строй Франции существенным препятствием для достижения союза, поскольку, несмотря на частные смены правительств, «шаткость их не отражается существенно на общем ходе дела, так как во всех министерствах люди, стоящие непосредственно у дела, меняются весьма редко...». В то же время он особо выделял высокий моральный дух французской армии, «проникнутой сознанием воинского долга и недоступной влиянию партии» [17, л. 42–43 об.].

К концу 1880-х гг. в среде российских офицеров все чаще звучали призывы к сближению с Францией. Наглядным тому примером может послужить записка генерал-майора Л. Н. Соболева от 10 (22) марта 1887 г. «Политическая подготовка вопроса о Босфоре». Главной ее особенностью является комплексное рассмотрение сложившегося политического «пасьянса» в Евразии, угрожавшего России полной изоляцией. В связи с такой расстановкой сил генерал Л. Н. Соболев предлагал избежать данной перспективы за счет прочного союза с Францией, который был продиктован России, с его слов, «силой исторических событий» [16, л. 42]. Однако основную идею о сотрудничестве с Третьей республикой автор представлял прежде всего как фактор, сдерживающий Великобританию в борьбе с Россией за Босфор, поскольку британское командование не могло игнорировать опасность в Средиземном море, исходящую от французских военных кораблей [16, л. 41 об.–42]. В свою очередь генерал Л. Н. Соболев полагал, что, добившись успеха в Восточном вопросе, Россия могла полностью сосредоточиться на борьбе со своими западными соседями.

Важно указать, что уже с началом 1887 г. расчеты на возможный союз с Францией ложились в основу российских планов войны с центральными державами. Французский военный атташе в Петербурге капитан Мулен в рапорте от 23 июня

1887 г. указывал: «Наиболее распространенной здесь является идея о том, что в случае вооруженного конфликта между Францией и Германией вскоре начнется война между Россией и Австрией, и даже предполагается, что последняя держава в конечном итоге будет поддержана несколькими сателлитами более низкого порядка [Сербией и Румынией. – А. А.]» [38, р. 107]. Генерал Н. Н. Обручев действительно предполагал, что «участие Германии в войне против России может выразиться весьма различно, что будет главным образом зависеть от обязательств, установленных австро-германским союзом и от отношений, в коих будет находиться Германия к Франции». По этой причине начальник Главного штаба считал, что в случае вовлечения Третьей республики в противостояние с Германией Россия будет иметь наиболее благоприятную возможность для ведения войны со своими западными соседями. Так, план «А» исходил из той мысли, «что Германия, занятая ныне распрей с Францией, может оказать Австрии лишь частную помощь и то едва ли в самом начале войны», вследствие чего, по расчетам Н. Н. Обручева, следовало «к стороне Пруссии иметь лишь наблюдательные корпуса, всю же главную массу [российских] сил обратить на Австрию» [25, л. 26 об.].

Тем не менее германский посол в Петербурге Л. фон Швейниц справедливо утверждал, что до тех пор, пока в решении вопроса с черноморскими проливами император Александр III рассчитывал на поддержку Германии, Россия «не пойдет на тесное сближение с республиканской Францией» [6, с. 266]. Кроме того, по наблюдениям капитана Мулена, в российской офицерской среде царил «настоящий страх перед войной с Германией». В этой связи он делал вывод, что «русская армия, за несколькими почетными исключениями (Драгомиров и другие), предпочитает выступить только против Австрии и предоставить другим право сотрясать германский колосс. Если эти мысли распространены среди военных, то вполне естественно, что благоразумные политики, такие, как Гирс, не видят иного спасения, кроме как доброго соглашения с Германией» [38, р. 107]. Соответственно, заключение 6 (18) июня 1887 г. «договора о перестраховке» избавляло российское правительство от перспективы войны с Германией и от необходимости военного союза с Францией. Наряду с этим препятствием выступала и двойственная риторика действующего правительства Третьей республики, которое, несмотря на «военную тревогу» 1887 г., старалось, по сообщениям военного агента в Париже генерала Л. А. Фредерикса, всячески избежать любых поводов для обострения отношений с Берлином [32, л. 41].

Однако в связи с отказом германского правительства в 1890 г. продлевать «договор о перестраховке» фактически была открыта дверь для заключения русско-французского союза, предпосылки для которого сформировались в том числе благодаря систематическому изучению российскими офицерами французской армии в течение многих лет.

Выводы

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. В 1870 – 80-х гг. российские офицеры обращали пристальное внимание на французскую армию, изучая процессы ее структурной реорганизации. В значительной степени это обуславливалось нестабильной внешнеполитической ситуацией, сложившейся в результате Франко-германской войны 1870 – 1871 гг., в ходе которой образовалась единая Германская империя. В этой обстановке российские власти стремились поддерживать баланс сил среди великих держав и расценивали Третью республику во Франции в качестве естественного противовеса растущей мощи Германии. В свою очередь крах Второй империи обеспечил сочувственное отношение российского офицерства к французской армии и поспособствовал сглаживанию прежних «обид».

В то же время по мере обострения международной ситуации в свете Восточного кризиса 1875 – 1878 гг. появилась необходимость изучения французской армии в

качестве потенциального союзника в возможной войне с коалицией Германии и Австро-Венгрии. Поэтому с 1879 г. последующее десятилетие характеризуется пристальным вниманием, уделяемым российскими офицерами к актуальному состоянию французских войск. За этот период происходит трансформация воззрений в среде российских офицеров, в связи с чем к концу 1880-х французская армия стала восприниматься как «грозный враг» Германии и потенциальный союзник в борьбе с ней. Этот фактор стал важной предпосылкой, приведшей к образованию русско-французского альянса в первой половине 1890-х гг.

Список источников и литературы

1. *Айрапетов О. Р.* Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев (1830 – 1904): портрет на фоне эпохи : биография. М.: Русская книга : Алгоритм, 2017. 496 с.
2. *Алпеев О. Е.* Война после победы?.. Планы генерала Н. Н. Обручева на случай конфликта с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии и Турции (1878 г.) // Вопросы Истории. 2021. № 11. С. 28–55.
3. Восстановление вооруженных сил Франции // Русский инвалид. 1874. № 78.
4. Германия. Отд. 3. Военный обзор восточных областей. СПб.: Воен. учен. ком. Гл. штаба, 1882. 790 с.
5. Дело Крашевского и Гентша // Новое время. 1884. 17 (29) мая (№ 2931).
6. История внешней политики России: В 5 т. Т. 4. Вторая половина XIX века (От Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М.: Академ. проект, 2018. 385 с.
7. *Куропаткин А. Н.* 70 лет моей жизни: воспоминания А. Н. Куропаткина: в 3 т. Т. 2. Челябинск: Авто Граф, 2023. 558 с.
8. *Манфред А. З.* Образование русско-французского союза. М.: Наука, 1975. 375 с.
9. *Милютин Д. А.* Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина / под ред. Л. Г. Захаровой. 1882–1890. М.: РОССПЭН, 2010. 584 с.
10. Осенние маневры во французской армии в 1874 году // Русский инвалид. 1875. № 38.
11. Осенние маневры французских войск в 1879 году // Военный сборник. 1880. № 7. С. 74–114.
12. Петербургский листок. 1886. 12 (24) июля (№ 186).
13. *Поппен Г. В.* Франция. Вооруженные силы. Ч. 1. СПб.: Воен. учен. ком. Гл. штаба, 1883. 433 с.
14. *Пузыревский А. К.* На маневрах 12-го корпуса французской армии // Военный сборник. 1886. № 12. С. 286–326.
15. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 552. Оп. 2. Ед. хр. 1322.
16. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 4. Д. 596.
17. РГВИА. Ф. 400. Оп. 42. Д. 145.
18. РГВИА. Ф. 401. Оп. 2. 1868. Д. 75.
19. РГВИА. Ф. 401. Оп. 3. 1879. Д. 17.
20. РГВИА. Ф. 401. Оп. 3. 1879. Д. 60.
21. РГВИА. Ф. 401. Оп. 4. 1886. Д. 27.
22. РГВИА. Ф. 401. Оп. 4. 1887. Д. 2.
23. РГВИА. Ф. 401. Оп. 4. 1888. Д. 2.
24. РГВИА. Ф. 401. Оп. 4. 1889. Д. 2.
25. РГВИА. Ф. 402. Оп. 2. Д. 76.
26. РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 198.
27. РГВИА. Ф. 432. Оп. 1. Д. 222.
28. РГВИА. Ф. 432. Оп. 1. Д. 232.
29. РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 191.
30. РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 193.
31. РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 195.
32. РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 200.

33. РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 201.
34. РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 281.
35. РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 283.
36. Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Т. 2. М.; Л.: Гос. изд-во, Отдел воен. лит., 1928. 619 с.
37. Юдин С. С. Солдат империи. Генерал М. И. Драгомиров. Реформатор. Учитель. Военачальник. М.: Яуза-каталог : Российское военно-историческое общество, 2021. 336 с.
38. Documents Diplomatiques Français. Ser. 1 (1871-1900). Т. 6: Bis. (4 mars 1885 – 29 decembre 1887). Paris: Imprimerie Nationale, 1938. 162 p.
39. Dresdner Nachrichten. 1884. 20 Mai.

References

1. Ayrapetov, OR 2018, *General-adyutant Nikolay Nikolayevich Obruchev (1830 – 1904): portret na fone epokhi* (Adjutant-General Nikolay N. Obruchev (1830 – 1904). Portrait on the background of the era), Russkaya kniga publ, Algoritm publ, Moscow. (In Russ.)
2. Alpeyev, OE 2021, 'Voyna posle pobedy? Plany generala N. N. Obrucheva na sluchay konflikta s koalitsiyey Velikobritanii, Avstro-Vengrii i Turtsii (1878 g.)' (War after Victory? (General N.N. Obruchev's plans for a conflict with a coalition of Britain, Austria-Hungary and Turkey (1878), *Questions of History*, no. 11, pp. 28–55. (In Russ.)
3. 'Vosstanovleniye vooruzhennykh sil Frantsii' (Restoration of the French armed forces) 1874, *Russkiy invalid*, no. 78 (In Russ.)
4. Germaniya. Otd. 3. *Voennyi obzor vostochnykh oblastey* (Germany. Section 3. Military review of the eastern regions) 1882, Voen. uchen. kom. Gl. Shtaba publ, St. Petersburg. (In Russ.)
5. 'Delo Krashevskogo i Gentsha' (The case of Kraszewski and Gentsch) 1884, *Novoye vremya* (New Times), no. 2931, 17 (29) May. (In Russ.)
6. 'Vtoraya polovina XIX veka (Ot Parizhskogo mira 1856 g. do russko-frantsuzskogo soyuza)' (The second half of the 19th century (From the Peace of Paris in 1856 to the Russian-French alliance) 2018, *Istoriya vneshney politiki Rossii: V 5 t.* (History of Russia's foreign policy. In 5 vols), vol. 4, Academ. Proyekt publ, Moscow. (In Russ.)
7. Kuropatkin, AN 2023, *70 let moyey zhizni: vospominaniya A. N. Kuropatkina: v 3 t.* (70 years of my life: A.N. Kuropatkin. In 3 volumes), vol. 2, Avto Graf publ, Chelyabinsk. (In Russ.)
8. Manfred, AZ 1975, *Obrazovaniye russko-frantsuzskogo soyuza* (Formation of the Russian-French Alliance), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
9. Milyutin, DA 2010, *Dnevnik general-feldmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina* (Diary of Field Marshal General Count Dmitry Alexeyevich Milyutin), ed. L. G. Zakharova, ROSSPEN publ, Moscow (In Russ.)
10. 'Osenniye manevry vo frantsuzskoy armii v 1874 godu' (Autumn manoeuvres in the French army in 1874) 1875, *Russkiy invalid*, no. 38. (In Russ.)
11. 'Osenniye manevry frantsuzskikh voysk v 1879 godu' (Autumn manoeuvres of French troops in 1879) 1880, *Voennyi sbornik* (Russian military scientific journal), no. 7, pp. 74–114. (In Russ.)
12. *Peterburgskiy listok* 1886, 12(24) July, no 186. (In Russ.)
13. Poppen, GV 1883, *Frantsiya. Vooruzhonnnyye sily* (France. Armed Forces), part 1, Voen. uchen. kom. Gl. Shtaba publ, St. Petersburg. (In Russ.)
14. Puzyrevskiy, AK 1886, 'Na manevrakh 12-go korpusa frantsuzskoy armii' (At the maneuvers of the 12th corps of the French army), *Voennyi sbornik* (Russian military scientific journal), no. 12, pp. 286–326. (In Russ.)
15. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva (RGALI)* (Russian State Archive of Literature and Art), fund 552, inventory 2, file 1322. (In Russ.)
16. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv (RGVIA)* (Russian State Military Historical Archive), fund. 400, inventory 4, file 596. (In Russ.)
17. *RGVIA*, fund 400, inventory 42, file 145. (In Russ.)

18. *RGVIA*, fund 401, inventory 2, 1868, file 75. (In Russ.)
19. *RGVIA*, fund 401, inventory 3, 1879, file 17. (In Russ.)
20. *RGVIA*, fund 401, inventory 3, 1879, file 60. (In Russ.)
21. *RGVIA*, fund 401, inventory 4, 1886, file 27. (In Russ.)
22. *RGVIA*, fund 401, inventory 4, 1887, file 2. (In Russ.)
23. *RGVIA*, fund 401, inventory 4, 1888, file 2. (In Russ.)
24. *RGVIA*, fund 401, inventory 4, 1889, file 2. (In Russ.)
25. *RGVIA*, fund 402, inventory 2, file 76. (In Russ.)
26. *RGVIA*, fund 428, inventory 1, file 198. (In Russ.)
27. *RGVIA*, fund 432, inventory 1, file 222. (In Russ.)
28. *RGVIA*, fund 432, inventory 1, file 232. (In Russ.)
29. *RGVIA*, fund 440, inventory 1, file 191. (In Russ.)
30. *RGVIA*, fund 440, inventory 1, file 193. (In Russ.)
31. *RGVIA*, fund 440, inventory 1, file 195. (In Russ.)
32. *RGVIA*, fund 440, inventory 1, file 200. (In Russ.)
33. *RGVIA*, fund 440, inventory 1, file 201. (In Russ.)
34. *RGVIA*, fund 440, inventory 1, file 281. (In Russ.)
35. *RGVIA*, fund 440, inventory 1, file 283. (In Russ.)
36. Svechin, AA 1928, *Evolyutsiya voennogo iskusstva* (Evolution of military art), vol. 2, Gos. izd-vo, Otdel voyen. lit. publ, Moscow, Leningrad. (In Russ.).
37. Yudin, SS 2021, *Soldat imperii. General M.I. Dragomirov. Reformator. Uchitel. Voenachalnik* (Soldier of the Empire. General M. I. Dragomirov. Reformer. Teacher. Military Leader), Yauza-katalog : Rossiyskoye voyenno-istoricheskoye obshchestvo publ, Moscow. (In Russ.).
38. *Documents Diplomatiques Français* 1938, ser. 1, vol. 6, Imprimerie Nationale publ, Paris. (In French)
39. *Dresdner Nachrichten* 1884, 20 May. (In German)

Статья поступила в редакцию: 15.08.2024
Одобрена после рецензирования: 20.09.2024
Принята к публикации: 07.11.2024

The article was submitted: 15.08.2024
Approved after reviewing: 20.09.2024
Accepted for publication: 07.11.2024